

УДК 811.161.1'22

В. И. Мордань

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛЬНО-ИКОНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

На тлі аналізу спроб створення метамови невербальної складової комунікації ведеться пошук рішення аналогічної проблеми відносно іконічної складової.

На фоне анализа попыток создания метаязыка невербальной коммуникации осуществляется поиск путей решения аналогичной проблемы относительно коммуникации иконической.

Trying to create the describing language of non verbal component of communication we tent to find the solution of the similar problem relevant to an imagine component.

Если взять все множество информации, доступной восприятию человека, к появлению которой он прямо или косвенно причастен, то можно выделить по крайней мере три основных подмножества: это информация уровня непосредственного общения, информация, каким-то образом фиксируемая (тексты письменные, аудио-, видео- и прочие, рисунки, чертежи, картины и т. п.), наконец, информация из нашего окружения (объекты архитектуры, скульптура, рукотворный ландшафт, предметы обихода и т. п.). В первом и во втором случае одним из способов представления информации – это представление вербальное, т. е. словесное. Доля вербальных средств среди активных средств обеспечения непосредственного общения, по разным данным, составляет порядка 7 %, остальное же приходится на различные звуковые (интонация, темп, тембр и т. п.) и визуальные (жест, положение, мимика и т. п.) компоненты – на все то, что принято называть невербальной составляющей коммуникации. Причем визуальный компонент значительно преобладает – его доля где-то порядка 55 % [13]. Вербального же в фиксируемой информации ощутимо больше – в разное время и в разных ситуациях это от 20 до 80 %.

Визуально воспринимаемые тексты, состоящие из одиночных или из комбинации графем, содержат массу элементов, выраженных различными изобразительными средствами. Они текст организуют, делают его более выразительным и более воспринимаемым. Есть и такие элементы, которые берут на себя часть выражаемого текстом, и иногда часть более весомую. Это самые разнообразные и разнохарактерные изобразительные элементы: рисунки, фотографии и украшения с акцентирующей функцией, вроде буквицы, колонтитулы с наполнением и без, шрифты разного начертания, размера, окраски и выделения, наконец, сама топология текста относительно поля носителя и его окраска. Фон – также серьезный фактор в деле восприятия написанного. Особую роль указанные элементы играют в таких коммуникативных областях, как СМИ, реклама, дизайн-проектирование и им подобных. Это области, где порой трудно определить, что содержательно важнее – вербальная или изобразительная составляющая.

Сразу же обратим внимание на то, что до недавнего времени, а в большинстве случаев и сегодня, вербальная часть создается человеком, хотя бы в малой степени

владеющим грамотой, а вот изобразительные элементы под силу лишь специалистам. Когда-то это – писцы, летописцы, сегодня – оформители, иллюстраторы, художники, другие специально подготовленные участники издательского процесса. Аналогичная ситуация в царстве невербалики. Сказать что-либо сможет кто угодно, но при этом вести себя «естественно», как мы говорим адекватно ситуации, например, на сцене, дано не каждому. Поэтому и существуют специалисты-актеры, которых долго и тщательно готовят. С ними постоянно работают специалисты-режиссеры. Обратим внимание на то, что умения специалистов и в том, и в другом случае – это продукт определенного практического опыта, интуиции и природной одаренности их самих и их учителей, а не результат освоения какой-то сложившейся, тем более универсальной, дисциплины. Что же касается словесной, вербальной составляющей коммуникации, то ее мы постигаем непосредственно от родителей с раннего детства, а затем в школе. И все благодаря тому, что имеется специальный описательный инструментарий – равноуровневый метаязык, приспособленный для использования всеми и для всех. До определенного времени с таким положением вещей мирились. Судя по всему, это устраивало самих специалистов, поскольку поддерживало их определенный общественный статус.

Со временем наблюдается возрастание интереса представителей самых разных направлений психологии, поведенческих и социальных наук к изучению проблем коммуникации в целом и невербальной коммуникации в частности. Это, по мнению А. Асмолова и Е. Фейгенберга, вызвано несколькими причинами. «Первая из них состоит в том, что сфера общения занимает все больше места в жизни общества. Эта ситуация и определяет вторую часть – прагматическую причину роста интереса к проблеме коммуникации, приводящую к появлению практических руководств по эффективному использованию знания, навыков и приемов невербального общения в межличностных отношениях. <...> Следующая причина возрастания интереса к проблемам невербальной коммуникации далеко не всегда осознается, поскольку связана исключительно с невербальными формами общения. Современный человек живет в мире слов, в лингвистическом мире, а древнее высказывание «вначале было слово» во многом определяет логику исследований в поведенческих и социальных науках. <...> Положение о языке как основе мира культуры, о том, что языка без голоса не бывает, формулирует известный лингвист Э. Бенвенист. <...> Подобная позиция может быть охарактеризована как лингвоцентризм — изучение любых видов коммуникации по образу и подобию языка человеческой речи» [1].

Появляются учения, целые научные направления и школы. Старое учение о распознавании характера человека по его внешнему облику – физиогномика, которому в своем труде «Физиогномика» отдавал дань еще Аристотель [8], на русском языке учение впервые изложено в сочинении П. Мантегаццы «Физиономия и выражение чувств», вышедшем в России в 1886 г. Сочинение во многом похоже на современные руководства по невербальной коммуникации [1]. В 1872 году появляется работа Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у людей и у животных», посвященная языку тела – *body language*. Позже выходит сочинение С. Волконского «Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту)» (1913). Волконский более осторожно подходил к обсуждению аналогий между алфавитами «языка тела» и «языка речи», чем позже авторы 80-х годов. Руководства по невербальной коммуникации, изданные в конце XX в., отличаются от руководств, изданных в конце XIX в., тем, что их адресат существенно расширяется, так как в большинстве профессий успех все больше зависит от степени владения навыками межличностного общения в разных социальных группах [1]. Складываются направления: *кинесика* – способ коммуникации посредством движений тела и жестов как средство внешнего проявления

человеческих чувств и эмоций, *проксемика* как специальная область, занимающаяся нормами пространственной и временной организации общения, с большим экспериментальным материалом, другие направления и их ответвления.

Особо отметим работы К. Бердвистла. Он, разрабатывая методологические проблемы в области кинетики и основываясь на опыте структурной лингвистики, предложил разделить телодвижения на отдельные единицы, а затем на их основе строить более сложные образования. Таким образом, совокупность единиц, которые он называл *кинами*, или *кинемами*, образовывала своеобразный алфавит телодвижений, а более сложные от них производные, названные им *кинеморфами*, составляли своеобразный словарь телодвижений и собственно они воспринимались в ситуации общения. А. Асмолов и Е. Фейгенберг упоминают трехтомную монографию И. А. Соболевского «Кинетическая речь на производстве» (1986) [15], где анализируется лингвистическая модель языка тела, сходная с представлениями Бердвистла. Здесь также фигурируют подобные понятия: *кинесинтагма* (кинетическое предложение), *кинелексема* (кинетическое слово) и *кинема* (простейший элемент кинетической речи).

Тон в указанных исследованиях задают вначале философы, затем лингвисты и по следам тех и других – психологи. Последние спохватились, когда уже даже в проблемах межличностных отношений верх стал брать лингвоцентризм. «Именно лингвоцентризм обусловил тот факт, что проблема невербальной коммуникации не стала предметом рассмотрения в психологии речевого общения и как бы выпала из психологии понимания, психологии личности, социальной психологии и этологии. Между тем и в психологии речи, особенно при постановке вопроса о соотношении мысли и слова, представление об оформленности мысли жесткими языковыми рамками после классического труда Л. С. Выготского «Мышление и речь» начало подвергаться пересмотру. В лингвистике же лингвоцентризм был непоколебим» [1].

В конечном счете, все наработки, о которых идет речь, – это стремление создать метаязыковую основу невербальной составляющей коммуникации в дополнение к имеющимся и успешно используемым метаязыковым средствам в сфере коммуникации словесной. Здесь, как видим, ученые-невербалики идут первыми.

Одновременно в качественном и количественном отношении доли вербальной, невербальной и изобразительной (иконической) коммуникативных составляющих перераспределяются. Нужно сказать, перераспределяются ощутимо и достаточно быстро. В условиях интенсивного развития всех сфер человеческой деятельности, и в первую очередь – сфер социальной, языковой и связанной с ними сферы технической, того, что мы называем областью взаимодействия триады социалема–лингвема–технема [10], происходят существенные изменения, как в характере самой информации, так и в ее структуре. В жизнь человека вошла необычайно быстро развивающаяся технема в виде компьютера и связанных с ним технологий. В очередной раз вторжение артефактов происходит не только в сферу физической деятельности человека, но и в сферу интеллектуальных проявлений, конкретно в область знакового виртуального представления действительности. В обиход (в среду «широкой» социалемы) внедряются и закрепляются коммуникативные средства (лингвемы), из области специальных коммуникаций. Языковой инвентарь коммуникации наполнился и продолжает пополняться новыми элементами, более эффективными и продуктивными в изобразительном плане. И, если до этого вербальные формы общения, как говорилось выше, никогда не доминировали над другими формами, то теперь вербалика потеснена еще основательнее. Теперь то, что было доступно ранее лишь специалисту, уже под силу человеку, едва постигшему грамоту, скажем, ребен-

ку, овладевшему элементарными навыками общения с компьютером. В силу специфики компьютерных устройств для представления информации человеку, способа и характера ее отображения, того, что называют «человеко-машинным интерфейсом», многократно выросла доля изобразительной составляющей коммуникации, как дополняющей вербальную коммуникацию, так и местами вытесняющей ее. Но самое интересное то, что многое из возникшего в человеко-машинном общении все настойчивее пробивается в общее употребление. Наглядный пример тому – так называемые «смайлики». Поэтому вопрос о разработке средств представления изобразительных категорий выходит на передний план [9; 11; 12]. Эти разработки стимулируются множеством проблем, связанных с функционированием иконических средств. Назовем наиболее значимые из них.

Начнем с учебного процесса, имея в виду обучение изобразительным приемам – обучение рисованию. Этот процесс сегодня, как и в древности, по сути своей, – передача учителем ученику собственного опыта и навыков. Здесь основной принцип: «делай как я, делай по возможности лучше меня...». Если, например, в словесном общении слышим *«пока один жила, другой закончил дни...»*, мы тут же улавливаем ошибку, и, самое главное, можем дать четкую, конкретную рекомендацию по ее исправлению. Для этого у нас всегда под рукой известные всем метаязыковые категории: «род», «время» и др. При комментировании же неудовлетворительного изображения, скорее, услышим нечто вроде: *«Это слегка влево, а вот это, пожалуй, подать чуть светлее, а это слишком тяжеловесно...»* и т. д. и т. п. в таком же духе. Правда, в пособиях для дизайнеров, рекламистов и искусствоведов все чаще встречаем вполне к месту терминологию метаязыкового поля лингвистики (например, у И. Имшинецкой [6] или У. Боумена [3]), но, к сожалению, это, скорее, образные фигуры, словесные аллегории, не имеющие за собой надлежащей исследовательской поддержки.

Мы наблюдаем как в изобразительном искусстве эстетические функции постепенно перетекают в прикладные – так диктует время. И если раньше предложенное художником принималось как норма, как истина, как то, чему необходимо следовать, то теперь художнику указывают, каким должно быть его творение, чему соответствовать, что удовлетворять. Теперь это уже не художник, а дизайнер-универсал. Он теперь и инженер, и проектант, и исполнитель задуманного – все в одном лице. Ему нужно понять заказчика, уловить и сформулировать проблему, как-то ее решить, нужно свое видение такого решения преломить через общественное сознание и донести до сознания заказчика, и, наконец, нужно непротиворечиво реализовать задуманное. И вот здесь снова без формализации, без специальных описательных средств ему не обойтись.

Остановимся на проблеме сопоставления изображений, скажем, в задачах информационного поиска. Как отмечают В. Карпович и А. Блинов, «язык изображений характеризуется тем, что в нем отсутствуют критерии тождественности двух изображений: при различных уровнях анализа результат исследования двух изображений на тождественность может быть различным. Поэтому, в частности, вопросы различения оригинала и копии для аналоговых языков иногда неразрешимы» [7]. Проблема возникнет тогда, когда встанет задача поиска непосредственно в массивах изобразительных объектов. Если формирование поискового образа изображения какими-либо средствами, к примеру, из арсенала теории распознавания образов, в принципе возможно – этот этап в руках подготовленных специалистов, – то как быть с составлением поискового предписания? Поисковое предписание, скорее всего, будет составлять непрофессиональный пользователь.

Есть проблемы и более общего характера, например связанные с воспитанием. Так, у современного ребенка, пристрастившегося к времяпровождению за компьютером (а сегодня это далеко не единичное явление), развитие и формирование психики, становление форм мышления протекает под воздействием и, если хотите, под контролем, придуманных кем-то, часто далеко не с лучшими намерениям, изобразительных аллегорий. Он мыслит образами тех героев, тех ситуаций, той обстановки, которые создает сам, но в рамках, в поле этих аллегорий. Происходит рассогласование виртуального благополучия с далеко не всегда такой прекрасной реальностью. В его сюжете его герои, а тем более он сам, имеют десяток жизней. Увы, в реальности – если жизнь прерывается, то навсегда... Мы имеем массу примеров результатов такого рассогласования, и поэтому должны уметь изъясниться с ребенком на понятном ему языке изобразительных категорий, а не лечить его от «компьютерной зависимости». Пока иммунизация от действия дурного влияния и, соответственно, от дурных поступков, как и внедрение набора нравственных категорий и понятий «хорошо»/«плохо» происходит в вербальном поле.

А если учесть, что иконические представления сегодня выходят далеко за рамки коммуникативных или эстетических потребностей, проникая, например, в такие области, как биология, кристаллография или нанотехнология (здесь мы встречаем выражения «*дизайн кристаллообразования*», «*дизайн клетки*», «*атомно-силовая микроскопия (дизайн, новые приложения, <...>*) и т. п. [14]), то вопрос о создании средств описания изобразительных категорий, т. е. универсального разноуровневого иконического метаязыка становится как никогда актуальным.

В 1971 году на русском языке вышла книга известного американского художника-графика У. Боумена «Графическое представление информации» [3], в которой ставилась задача помочь инженерным и научным работникам самых различных направлений, специалистам по разработке визуальных средств отображения информации и другим специалистам, имеющим отношение к визуальной информации, лаконично и выразительно графическими средствами представлять различные научно-технические идеи. По сути же, делается попытка создать некий «язык образов», систематизировав и представив различные изобразительные категории языком описания вербалики. Боумен вводит понятия *словарь элементарных форм, грамматика пространственной организации, идиома объемной перспективы, построение визуальной фразы, синтаксис* (применительно к изображению) и т. п. Все это наполняется содержанием, правда, с достаточно примитивных позиций графика. Нельзя пройти мимо других попыток в этом направлении, на уровне, например, построения словаря визуальных символов [4]. Что же касается фундаментальных исследований в этой области, то здесь преобладает скепсис. «Язык живописи, – отмечает А. Бараненкова (1978 г.), завершая анализ живописных произведений художника и композитора М. К. Чюрлениса, – нельзя перевести на нотные знаки. «Читая» ноты про себя, музыкант лишь для себя может «прочитать» мелодию. Для слушателя же музыкальное произведение живет и звучит в исполнении голоса, инструмента, оркестра, хора. Но пропеть или проиграть живописное изображение нельзя» [2]. Не в последнюю очередь этому скепсису способствовали определенные неудачи в создании метаязыка невербальной коммуникации, а также разгоревшаяся дискуссия относительно взаимоотношения понятий «мышление – язык» и всего, что за этим стоит: «логика – лингвистика», «глубинная структура языка – поверхностная структура языка», «суждение – предложение», «понятие – слово», «субъект – подлежащее» и т. д.

С 1980 года к данной теме обращаются практики. Проблема описания изображения представляется важной по той причине, что современное оборудование, в ча-

стности ЭВМ, позволяет иметь дело с необыкновенно большими информационными потоками. «Вместе с увеличением информационных потоков <...> все чаще на входе и выходе информационных систем используются невербальные формы представления данных: изображения, схемы и т. п. Возникла особая область исследований – теория распознавания образов, и появилось новое оборудование для представления графической информации. Хотя, в принципе, графическая информация может быть представлена в большинстве случаев в дискретной форме, графическое представление часто создает большие удобства для потребителя информации. Вместе с тем это породило и проблему анализа «языка изображений», в частности вопрос о создании меры информативности такого языка. Эта проблема может решаться методами стандартного логического анализа способов референции (денотации) и обозначения (смысла) знаковых выражений, как это принято в логике со времени появления классической в этом отношении работы Г. Фреге “Смысл и денотат”» [7]. Здесь наблюдаются несомненные результаты и, самое главное, практический выход. Это та же теория распознавания образов, заложившая основы привычных сегодня систем, например ввода и прочтения печатного, рукописного и звучащего текста, систем ориентации на местности и т. п. Но, снова-таки, названные приложения и подобные им из области высоких технологий доступны в обращении, подчеркиваем, специалистам, которым под силу уровень математических методов и других сложных высокоинтеллектуальных подходов. Однако плод всех этих творческих усилий рано или поздно должен выйти на непрофессионального, рядового, а часто и недостаточно грамотного пользователя.

Разумеется, объект нашего рассмотрения, имея в виду иконичку, находится в более выгодном положении, нежели невербалика. Так, с одной стороны, лингвистические объекты сами пришли из области графики и в большинстве случаев наблюдение такого перехода доступно, с другой стороны, иконические объекты, по крайней мере на стадии фиксации, реализуются сходным образом с вербальными и их материальная основа родственна словесному представлению. Кроме того, в самом процессе построения иконического объекта непротиворечиво кроется связь между «глубинной структурой», т. е. мыслью, и изобразительным средством, ее представляющим. «Глубинные структуры», выявленные Н. Хомским, действительно складываются в онтогенезе, в процессе развития ребенка раньше, чем он становится способным говорить и понимать речь. И не нужно быть марксистом, – делает вывод Э. Ильенков, наблюдая над процессами формирования психики слепоглухорожденных детей, – чтобы увидеть их очевидную, можно сказать, осязаемую, реальность в образе сенсомоторных схем, то есть схем непосредственной деятельности становящегося человека с вещами и в вещах в виде сугубо телесного феномена – взаимодействия одного тела с другими телами, вне его находящимися. Эти сенсомоторные схемы, как их именует Пиаже, или «глубинные структуры», как их предпочитают называть лингвисты, и есть то самое, что философия издавна титурует логическими формами, или формами «мышления как такового» <...> В этом и весь секрет сенсомоторных схем, они же являются и «глубинными структурами» и вместе с тем логическими формами (формами мышления). Ибо мышление, если его определять в самом общем виде, и есть не что иное, как способность обращаться с любым другим телом, находящимся вне своего собственного тела, сообразно с формой, расположением и значением его в составе окружающего мира» [5]. А это означает, что «схемы действия», в нашем случае процесс рисования, «конгруэнтны схемам вещей», т. е. тому, что отражает сознание. Это означает также, что противопоставления типа «мышление – язык», «глубинная структура языка – поверхностная структура языка», «субъект – подлежащее» и т. д., не столь напряжены применительно к языку икони-

ки. Поэтому здесь вполне уместен лингвоцентризм в тех проявлениях, которые в свое время не устраивали невербаликов и психологов. Более того, вековые наработки вербального общения и применяющийся при этом метаязык могут быть в основной своей массе применены и в изобразительной коммуникации.

Решение такой задачи лежит в обобщении идей семиотики, теории коммуникации, прикладной лингвистики и прилегающих к ним разделов психологии, состоит в поиске очевидных параллелей в свойствах вербальных и иконических составляющих. Не исключено, что при этом придется несколько скорректировать имеющийся метаязыковой аппарат, унифицировать и обобщить некоторые сложившиеся формальные представления, отработать графическую лексику и найти ее соответствия лексике вербальной, уточнить границы лексем и единиц других уровней. Если учесть, что вербальные высказывания иногда очень тесно переплетаются с иконическими и каждое из них в отдельности само по себе в контексте теряет смысл, то, по-видимому, указанный *метаязыковой аппарат должен быть общим как для вербальной, так и для иконической формы общения, и должен осваиваться на самих ранних стадиях обучения грамоте*. Впрочем, уже сегодня некоторые достаточно успешно реализуемые методики раннего обучения при изучении самых разных дисциплин предполагают именно комбинированное вербально-иконическое представление информации.

Как исходные при решении задачи создания описательного инструментария иконики могут быть представлены такие этапы исследования:

1. Прорисовка некоего концептуального поля исследования, в котором, вслед за К. Бердвистлом и И. Соболевским, введем применительно к иконике понятия *иконемы* (наименьшей изобразительной единицы), *иконолексемы* (образования, наполненного определенным смыслом или являющегося указанием на конкретное обозначаемое), *иконосинтагмы* (в смысловом отношении законченного графического построения, аналога предложения) и т. п.

2. Выделение, инвентаризация и классификация изобразительных объектов, претендующих обозначаться введенными понятиями.

3. Поиск вербальных параллелей, соответствующих выделенным иконическим элементам.

4. Инвентаризация и обобщение различных описаний вербальных метаязыковых категорий, и наложение их на сложившиеся описательные представления, которые используются в изобразительном пространстве.

5. Создание некоего предварительного *синтетического коммуникативного инвентаря* – аналога привычных словарей. В таком инвентаре благодаря применению компьютерных технологий вербальным объектам сопоставлялись бы графические, цветовые, композиционные и т. п. объекты, при необходимости анимированные. В настоящее время на основе упрощенной модели такого инвентаря нами прорабатываются принципы построения компьютерной программы графического и цветового «оживления» текста на уровне отдельных графем и слов. В основе такого «оживления» лежат исследования в области психологических ассоциаций, семантики и прагматики цвета, архетипов неосознанного и т. п.

6. Наконец, как исходный материал в нашем исследовании выбраны объекты пограничья вербальной и изобразительной коммуникативных сфер. Это, прежде всего, реклама, иллюстрированные объявления СМИ и такое активно развивающееся направление, связанное с Интернетом, как WEB-дизайн. Именно в этих областях, где так близко и тесно взаимодействует «слово» и «образ», бесспорно, уместен в исследовании

довании лингвоцентристский подход, когда к описанию изобразительных категорий приспособляются метаязыковые средства вербалики.

Библиографические ссылки

1. **Асмолов А.** За порогом рациональности: лингвоцентризм и парадоксы невербальной коммуникации / А. Асмолов, Е. Фейгенберг. – <http://www.ashtray.ru/main/texts/asmolov.htm>.
2. **Бараненкова А. Ф.** Ассоциативность художественного образа / А. Ф. Бараненкова // Вопросы философии. – 1978. – № 12. – С. 123–132.
3. **Боумен У.** Графическое представление информации / У. Боумен. – М. : Мир, 1971. – 228 с.
4. **Бурмистрова Т.** Словарь визуальных символов / Т. Бурмистрова // Техническая эстетика. – 1969. – № 7.
5. **Ильенков Э. В.** Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. – 1977. – № 6. – С. 92–96.
6. **Имшинецкая И.** Креатив в рекламе. Образ как средство визуальной коммуникации / И. Имшинецкая. – М. : РИП-холдинг, 2004. – (Серия «Академия рекламы»). – <http://evartist.narod.ru/text11/54.htm>.
7. **Карпович В. Н.** Применение логики в филологии и языкознании / В. Н. Карпович, А. Л. Блинов // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. – 1980. – Вып. 3. – № 11. – С. 109–115.
8. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики / А. Ф. Лосев. – М. : Наука, 1975.
9. **Мордань В. И.** К вопросу об эволюции языковых средств коммуникации и некоторые следствия этого процесса / В. И. Мордань // Язык : модель, структура, функционирование : сб-к науч. тр., посвященный 70-летию проф. И. И. Меньшикова / под общей ред. проф. Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2007. – С. 60–67.
10. **Мордань В. И.** Артефактное общение в системах специальной коммуникации / В. И. Мордань // Системы специальной коммуникации в современном русском языке : сб. науч. тр. – Днепропетровск : ДГУ, 1990. – С. 43–47.
11. **Мордань В. И.** Метаязыковые проблемы вербально-иконической коммуникации / В. И. Мордань // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : матер. IV Междунар. науч. конф. Днепропетровск, 9–10 апреля 2009 г. / сост. Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2009. – С. 117–120.
12. **Мордань В. И.** Про проблему метамовних засобів іконічної комунікації / В. И. Мордань // Філологічні науки : матер. підсум. наук. конф. / упоряд. О. І. Панченко. – Д. : Пороги, 2007. – С. 213–215.
13. **Пиз А.** Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам / А. Пиз. – М. : Эксмо, 2005. – 288 с.
14. **Нанотехнологическое общество** // Нанометр. – http://www.nanometer.ru/group_list.html.
15. **Соболевский И. А.** Кинетическая речь на производстве / И. А. Соболевский // Семиотика пространства и пространство семиотики : труды по знаковым системам. – Тарту, 1986. – Т. XIX.

Надійшла до редколегії 31.05.09